

К 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова

В. В. Рубцов

доктор психологических наук, действительный член Российской академии образования,
директор Психологического института Российской академии образования, ректор
Московского городского психолого-педагогического университета

О. Е. Серова

кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института
Российской академии образования

Е. П. Гусева

кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института
Российской академии образования

Статья посвящена жизни и научной деятельности выдающегося отечественного философа, логика, психолога и педагога Г.И. Челпанова. Наряду с опубликованными ранее в статью включены малоизвестные факты творческой биографии ученого, восстановленные на основе документальных материалов Научного архива Психологического института РАО. Проведенное авторами историко-психологическое исследование, результаты которого составляют содержание настоящей статьи, решает задачу восполнения научных знаний о генезисе отечественной психологической мысли, историко-культурных основаниях и преемственности духовно-нравственных традиций русской науки в челпановской психологической школе.

Ключевые слова: этапы становления творческой личности, отечественная научная психологическая традиция, метафизические основания психологии, экспериментальный метод в психологии.

В истории отечественной научной психологии много славных имен. Но имя Георгия Ивановича Челпанова занимает особое место — с этого имени начинается сама история нашей научной психологии как самостоятельной отрасли отечественного научного знания и история системной организации психологического образования в России. Мы, его последователи, должны всегда помнить, что достижения современной психологии имеют свое начало в той научной традиции, которая была заложена Г. И. Челпановым и его учениками в стенах Психологического института им. Л. Г. Щукиной в начале XX в.

В год юбилейных торжеств, посвященных 150-летию со дня рождения этого выдающегося деятеля отечественной науки и культуры, научное психологическое сообщество отдает долг памяти и уважения самоотверженному труду Георгия Ивановича как ученого и гражданина.

Нравственный потенциал психологических идей челпановской научной школы сегодня служит надежным основанием для повышения профессиональной компетентности психологов и педагогов и дальнейшей методологической разработки стратегии развивающего личностно ориентированного обучения и воспитания поколения XXI в.

Георгий Иванович Челпанов¹ родился 16 (28) апреля 1862 г. на юге России, в Екатеринославской губернии. Городом его детства и юности был Мариуполь.

История рода Челпановых тесно связана с историей начатых в XVIII в. широкомасштабных мероприятий русского правительства по переселению

¹ Историко-биографические материалы о жизни и деятельности Г. И. Челпанова в разные годы были опубликованы Л. А. Радзиховским (1982), А. Н. Ждан (1993, 1994, 2008), С. А. Богданчиковым (1994, 1996, 2000, 2008, 2009, 2010), В. В. Умрихиным (1994, 2010), М. Э. Боцмановой, Е. П. Гусевой, И. В. Равич-Щербо (1994), Т. Д. Марцинковской, М. Г. Ярошевским (1997, 2007), В. А. Роменцом, И. П. Манохой, А. А. Бреусенко (2000), В. М. Летцевым (2000, 2009), Е. П. Гусевой (2008), Е. П. Гусевой, О. Е. Серовой (2007, 2009), И. В. Журавлевым (2009), Б. В. Бирюковым (2009, 2010) и др.

православных греков из Крымского ханства в Приазовье². Так, прадед Георгия Ивановича, рожденный в середине XVII в. в Крымском ханстве, вступил в самостоятельную жизнь уже российским подданным. У отца Георгия Ивановича, состоятельного мариупольского мещанина Ивана Чолпана, было шестеро детей, Георгий был младшим из них. Семья жила в собственном одноэтажном доме на Греческой улице; этот дом (№ 10) сохранился до наших дней.

Греческая община Мариуполя отличалась серьезным отношением к вопросам воспитания и обучения детей. Во многом ее стараниями было открыто первое приходское училище, которому местная управа передала одно из лучших зданий города. С 1867 года куратором учебных заведений Мариуполя был назначен выдающийся педагог, восприимчив идей К. Д. Ушинского, видный земский деятель барон Н. А. Корф. Благодаря его усилиям преподавание учебных дисциплин и организация народного образования в уезде стала образцом для всей России.

В местном приходском училище Георгий Челпанов получил начальное образование. В течение двух лет он обучался русскому языку (грамматике), новогреческому языку, арифметике, истории, географии, закону Божьему, рисованию. Известно имя Семена Степановича Косогубова — его учителя по русскому языку, работа которого получила высокую оценку Н. И. Пирогова, исполнявшего в то время обязанности попечителя Одесского округа.

По завершении начального образования Георгий Челпанов поступил в Мариупольскую Александровскую гимназию и окончил ее в 1883 г. с золотой медалью.

В гимназические годы закладывается его устойчивый интерес к изучению психологии. Это увлечение не в последнюю очередь было инициировано полемикой о задачах и методах психологии, развернувшейся на страницах журнала «Вестник Европы» между К. Д. Кавелиным и И. М. Сеченовым — «звездами первой величины» на небосклоне русской науки XIX в. Свое окончательное оформление интерес к психологии получил под влиянием статей Николая Яковлевича Грота и особенно его магистерской диссертации «Психология чувствований в ее истории и главных основах» (1879—1880), в которой психологические вопросы были рассмотрены в широком биолого-эволюционистском диапазоне. Гимназист Георгий Челпанов полностью разделял мысль Грота о необходимости углубленного изучения естествознания для тех, кто решил специализироваться в области психологии. Подобная убежденность была вполне в духе времени: это был период «сильного... поистине трогательного увлечения естественными науками», когда имена светил естествознания «внушали молодежи какой-то священный трепет» [58, с. 18—19]. Георгий Челпанов, на тот момент «очень расположенный только к эмпирической пси-

хологии», в качестве своего будущего научного руководителя избрал Н. Я. Грота — ученого-эрудита, знатока новейших методов исследования, строящего психологию на базисе физиологии [54, с. 188]. Узнав, что Николай Яковлевич (преподававший тогда в Нежинском педагогическом институте) приглашен на должность ординарного профессора в Одессу, Георгий Челпанов осенью 1883 г. поступил на историко-филологический факультет Одесского Новороссийского университета.

В этом высшем учебном заведении, организованном в 1865 г. на базе знаменитого Ришельевского лицея, обучение осуществлялось на трех факультетах: историко-филологическом, физико-математическом, юридическом. В период пребывания там Г. И. Челпанова число студентов составляло свыше шестисот человек.

Вскоре на историко-филологическом факультете сложился кружок, объединивший вокруг Грота студентов, серьезно увлеченных наукой. Сначала на квартире у самого профессора, потом в аудиториях университета назначались заседания кружка, на которых происходило горячее обсуждение философско-психологических проблем.

Ко времени обучения в Новороссийском университете относится первый самостоятельный научный опыт Г. И. Челпанова. В творческой атмосфере студенческих дебатов у него «впервые явилась мысль подвергнуть пересмотру вопрос о пространстве» [55, с. XV]. Челпанов подготавливает материалы и в 1884 г. на заседании философского кружка делает доклад «Учение о пространстве у Канта и в современной психофизиологии». Этот доклад явился для Георгия Ивановича началом систематического исследования проблемы восприятия пространства, которое завершилось новаторской разработкой сначала в магистерской (1896) и затем докторской (1904) диссертациях.

Г. И. Челпанов окончил университет в 1887 г., получив золотую медаль за выпускное сочинение «Опыт и разум в теории познания Платона и Аристотеля» [30]. Тема неразрывности и взаимоограничения эмпирических и логических методов психологического познания станет сквозной в последующих работах ученого.

Подающий большие надежды выпускник был оставлен при Новороссийском университете для продолжения научной карьеры. Однако по мере исполнения нового университетского устава (принятого еще в 1884 г.) условия для профессионального изучения философии становятся здесь все менее благоприятными. Через год после переезда Н. Я. Грота в Москву, где он занял место на кафедре философии, Г. И. Челпанов был прикомандирован к Московскому университету с целью продолжения занятий для приготовления к профессорскому званию под руководством своего учителя. В 1887 г. он покинул Одессу.

² Историки Мариупольского краеведческого музея проследили историю фамилии от времени переселения до 1850 г. по ревизским сказкам и далее по метрическим книгам Харлампиевского храма г. Мариуполя.

В Москве Георгий Иванович включился в работу Московского Психологического общества³, председателем которого в 1888 г. был избран Н. Я. Грот. Активная деятельность Челпанова в качестве заместителя председателя становится составной частью той надежной поддержки со стороны молодых сил в науке, без которой грандиозные планы Грота «остались бы на уровне самонадеянной затеи» [58, с. 46]. Научная деятельность общества вызывала все больший резонанс. Сборник «Трудов Психологического общества», в котором публиковались рефераты его членов и материалы научных дискуссий, не мог справиться с решением задачи широкой популяризации философской мысли в России. В 1889 году Н. Я. Грот (при экономической поддержке московского купца А. А. Абрикосова) начал издавать журнал «Вопросы философии и психологии», призванный, по его замыслу, открывать «новые точки опоры для правильного учения о мире и жизни» и формировать философские вкусы самой широкой читательской аудитории.

Г. И. Челпанов еще «будучи студентом, был уже ученым в полном смысле этого слова» [32]. В этот период, в самом начале своей научной деятельности, Челпанов размышляет о возможности применения в психологии достижений новых отраслей знания, о пагубности для ее успехов «кастового» профессионального сознания, не позволяющего выйти за пределы лаборатории «чистой» мысли, и о перспективе развития ее как экспериментальной науки. Этой тематике посвящен его первый, ставший программным, доклад «Общие результаты психометрических исследований лейпцигской психологической лаборатории и их значение для психологии», прочитанный им на заседании Московского Психологического общества 10 марта 1888 г. и напечатанный в журнале «Русская мысль» [51]. Челпанов пришел к выводу, что решая свою основную задачу — определения взаимозависимости явлений внутренней жизни, — психологи обращаются и к тем свойствам психических явлений, по поводу которых нелогично выдвигать сложные метафизические гипотезы. При изучении таких «простейших психических актов» методологически уместно применение психометрических процедур. Психометрия может действовать с большим успехом в направлении изучения проблемы определения существования и последовательности явлений. Она решает хоть и «маленький вопрос», но все же решает [51, с. 188]. Более того, считал ученый, измерительные методики — в силу своей специфики — приводят к получению данных, которые с помощью одного лишь самонаблюдения получены быть не могут. Подчеркивая положительную сторону опыта «приложения числа к анализу душевных явлений», Челпанов предлагал психоло-

гии путь творческого согласования и синтеза в применении как методов интроспективного изучения психических фактов, так и измерительных процедур, заимствованных из области точных наук (при условии четкого определения предмета и задачи исследования). Тем самым ученый выступил против пристрастного и ложного толкования самих *принципов* эмпирической психологии.

Проблема, предложенная на обсуждение Челпановым, носила непреходящий характер. В целях уточнения основных ее положений он в 1890 г. публикует статью «Об измерении психических явлений» [47], в которой доказательно обосновывает специфичность измерения в психологии. В более поздней работе «Об измеримости психических явлений» (1912) Челпанов делает вполне определенный вывод: «Понятие измерения не может быть применено к психическим явлениям в том смысле, в каком оно применяется в науках о природе. Этим объясняется коренная противоположность между знаниями о Природе и знаниями о Духе» [48, с. 281]. В 1912 году ученый вновь обратился к своему первому докладу, не утратившему органичной созвучности современному запросу науки и практики и востребованному в актуальном для начала XX в. контексте психолого-педагогической проблематики [50]. Повторная публикация была предварена автором методологической константой: безусловная необходимость философско-теоретических предпосылок в психологическом исследовании снимает достаточность оснований для признания характера научности только лишь за экспериментальной психологией.

8 ноября 1890 г. Челпанов блестяще выдержал магистерский экзамен при историко-филологическом факультете Московского университета, получив по истории философии, логике, этике и иностранным языкам высшие баллы. Экзамен принимали четыре профессора университета в присутствии ректора и ассистентов. Но времени для отдыха от пережитых на экзамене волнений у Георгия Ивановича запланировано не было: на 25 ноября было назначено его выступление с рефератом о теориях апперцепции. Но заседание Психологического общества было перенесено, и доклад «Теория апперцепции и психической активности в современной психологии» был сделан 8 декабря 1890 г., а сразу же за этим Челпанов успешно прочитал две пробные лекции в университете перед студентами и профессорами [25]. В 1891 году Челпанов был избран исполняющим обязанности приват-доцента, и в 1891/92 учебном году начал свою преподавательскую деятельность с курса лекций по психологии на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета.

На практике молодой преподаватель столкнулся с удручающим фактом: студенты, желающие полу-

³ Московское Психологическое общество при Императорском Московском университете было создано в 1885 г. по инициативе профессора этого университета М. М. Троицкого; он же был его первым председателем. После отъезда Троицкого за границу осенью 1886 г. на ближайшем ежегодном заседании 24 января 1888 г. на должность председателя был избран Н. Я. Грот, остававшийся на этом посту вплоть до своей добровольной отставки в 1898 г.

читать специальность психологов, не обладали никакими, даже предварительными, знаниями в области психологии, поскольку (в отличие от других европейских стран) этот предмет в русских гимназиях не изучался. Возникла проблема языка изложения сложных категорий философского содержания. И, понимая ситуацию, Георгий Иванович был вынужден преподносить слушателям свой курс в упрощенном, элементарном виде. Такое положение дел, по его убеждению, требовало коренного преобразования. И он неоднократно на протяжении многих лет (1904–1912) поднимал вопрос о необходимости преподавания философской пропедевтики в учебных заведениях среднего звена.

В конце 1880-х гг. в личной жизни Георгия Ивановича произошли очень важные изменения. В 1888 году он венчался с Ольгой Епифановной Ивашенко в Марии-Магдалининской церкви г. Мариуполя. Его супруга была дочерью небогатого черниговского помещика Епифана Яковлевича Ивашенко и Анны Иогановны (в девичестве фон Эренштрайт), предки которой вели родословную из Прибалтики. Семейная жизнь молодой четы была сопряжена с частыми разлуками, причиной которых стала служебная деятельность Георгия Ивановича. Сохранились письма, свидетельствующие об очень доверительных и заботливых отношениях, сложившихся между ними [26]. Ольга Епифановна была одаренным человеком, получила хорошее образование и стала незаменимой помощницей своему талантливому и энергичному супругу. Она была в курсе всех его профессиональных забот и, кроме обустройства семейного очага, занималась написанием и редактированием статей, переводами с немецкого и французского языков, распечатанием текстов, разбором рукописей и проч.

В течение полутора лет супруги находились в ожидании формального разрешения вопроса об официальном зачислении Георгия Ивановича в штат университетских преподавателей [27]. Но места на кафедре в Москве не было, и Челпанов принимает приглашение и в 1892 г. переходит штатным приват-доцентом в Киевский Императорский университет Св. Владимира. К этому времени он был автором 25 печатных работ.

Учреждение Университета в Киеве с тем, «чтобы силою европейской науки сблизить и примирить разнородные элементы населения... и скрепить вековые узы юго-западного края с великою русскою землею» (как было записано в Указе 1833 г.), преследовало как образовательные, так и политические цели. Начиная с 1880-х гг. университет вступил в пору своего расцвета, и в 1890-х гг. на четырех его факультетах — историко-филологическом, юридическом, физико-математическом и медицинском — читали лекции 69 профессоров и 32 приват-доцента. Комплекс университетских зданий был одной из самых больших застроек города. При университете работали: библиотека с фондом более полумиллиона томов, центральный Архив древних актов, метеорологическая и астрономическая обсерватории, четыре факультет-

ских клиники, патологоанатомический институт, ботанический сад (занимавший обширную территорию), девять лабораторий, двадцать два кабинета и другие учебные центры. Были учреждены пять научных обществ (историческое Нестора-летописца, естествоиспытателей, юридическое, физико-математическое, медицинское). С 1861 года ежемесячно выходил журнал «Университетские Известия» и его приложение — «Сборник сочинений студентов».

Г. И. Челпанов заступает на философскую кафедру университета в то историческое время, когда позитивизм, толкуемый все более материалистически, «становится философским *specto* не одних ученых» и вытесняет из сознания самых широких кругов русского общества метафизические «призраки» [19, с. 282]. Абитуриенты мечтали обучаться естественным наукам, число медиков и естественников среди студентов стремительно возрастало, а число желающих заниматься философией или математикой сокращалось. Философы составляли лишь девятую часть от общего числа студентов. В университете действовала только одна философская кафедра, на которой работал всего один преподаватель в профессорском звании — А. Н. Гиляров. Перед молодым приват-доцентом Г. И. Челпановым стояла непростая задача: не заигрывая с модными «измами», суметь *по существу* поднять престиж философско-психологического знания.

Вступительная лекция Г. И. Челпанова, в которой новый преподаватель по традиции должен был изложить свое научное *specto*, состоялась 6 октября 1892 г. и называлась «К вопросу об априорности и врожденности в современной философии» [44]. Не боясь прослыть ретроградом, Челпанов определил проблему научных перспектив метафизики как базис своей научной позиции. Он привлек внимание слушателей к метафизическим основаниям теории познания ученого, обладавшего общеевропейским авторитетом, — И. Канта, и построил обсуждение таким образом, чтобы в результате каждый слушатель мог самостоятельно прийти к логически обоснованному выводу. Сделав акцент на значимости гносеологического аспекта, он выдвинул проблему содержательной эволюции научных терминов, раскрыв перед будущими исследователями одну из актуальных теоретических областей современной науки. В процессе ее анализа Челпанов доказал обоснованность предлагаемой им позиции инновационного осмысления категорий кантовской философии познания.

Оригинальный стиль изложения и научные идеи Челпанова не оставили равнодушными слушателей. Желающих посещать его последующие лекции было настолько много, что они буквально набивались в небольшую аудиторию, которую поначалу предложили молодому преподавателю. За неимением места студенты располагались и на ступеньках, прямо в ногах лектора, и даже за доской. Георгию Ивановичу порой с трудом приходилось пробираться на кафедру. Учитывая, что не все желающие (а это были не только студенты, но и преподаватели разных кафедр

университета, и профессора, и военные медики) могли попасть на лекции, администрация отвела для них самую большую аудиторию университета [28]. В общей сложности в Киевском университете Челпанов прочитал несколько лекционных курсов: «Психология», «Введение в психологию», «Введение в философию», «Логика», «История и критика материализма», «Критический обзор современных учений о душе», «Теория познания», «Специальный курс по теории познания», «Комментирование “Критики чистого разума”», «Учение о пространстве».

С осени 1894 г. Челпанов начал вести практические занятия, рассчитанные на студентов, желающих углубленно — «систематически» — изучать проблемы психологии. Через три года «психологический кружок» получил официальное признание, и с разрешения министра народного просвещения был преобразован в Психологическую семинарию. Так в 1897 г. список научных обществ университета Св. Владимира впервые пополнился студенческим психологическим обществом. На его содержание была выделена ежегодная сумма в 250 рублей. По принятым правилам, возглавлять Психологическую семинарию должен был профессор философии, преподающий психологию; занятия должны были проходить только в вечернее время; при соблюдении первоочередности для историко-филологического отделения в числе ее участников (общее число которых не должно было превышать 25 человек) могли быть студенты и других отделений университета. При семинарии работала библиотека, укомплектованная изданиями специальной литературы. На занятиях использовался комплект акустических, оптических, психометрических приборов для проведения практической работы по экспериментальной психологии. Учебное расписание было составлено таким образом, чтобы каждый студент семинарии в течение трех лет имел возможность приобрести прочные знания по трем главным философским дисциплинам: психологии, теории познания, этике. В целях обеспечения должного уровня научной подготовки студентов семинарии Г. И. Челпановым был разработан цикл методических пособий из семи наименований, включавших справочно-библиографические и научно-аналитические учебные издания.

О содержании и интенсивности научной работы, развернутой в семинарии, свидетельствуют официальные отчеты. За время учебных семестров 1897—1906 гг. было проведено около сотни заседаний, предметом научного анализа и обсуждения на них выступили фундаментальные положения психологии В. Вундта и теории познания И. Канта, учения о душе в современной психологии, ведущие научные направления в теории познания и основные положения составляющих их концепций, базисные вопросы этики, проблема реальности внешнего мира, проблема причинности, вопросы взаимодействия физических и психических явлений и пр. [52; 53]. Участниками семинарии было подготовлено около сотни докладов [13, с. 5].

Киевская психологическая семинария просуществовала до 1906 г. Ее первый — пятилетний — юбилей был торжественно отмечен на публичном заседании 25 февраля 1903 г. Выступавшие на заседании студенты (Ванштейн, Маслов, Шпет) и кн. С. Н. Трубецкой в своем приветственном слове отмечали отчетливое изменение направленности философских интересов в обществе: метафизическое знание, без введения которого в науку «обойтись нельзя» (Г. Шпет), приобретало все больший авторитет. Совсем близка, считали они, эпоха идеалистического мирозерцания, единственно предлагающего человеку соразмерные его здравному подвигу идеалы. Г. И. Челпанов был сдержан в своих прогнозах: уровень философской культуры в обществе все еще невысок, и оттого «ближайшее будущее принадлежит позитивизму». «Идеалистом быть трудно», требуются активные нравственные усилия, философский профессионализм и определенный уровень образовательной среды. «Решение вопроса, будет ли в русской умственной жизни... торжествовать идеализм или позитивизм, находится в руках университетов», — сказал Челпанов, обозначив задачу, стоящую перед российским образованием в наступившем XX веке [53, с. 3—6].

Научная деятельность, чтение лекций в университете, подготовка статей и их продвижение в информационных агентствах, проведение публичных лекций, работа в Психологической семинарии, научные командировки составляли содержание профессиональной жизни Челпанова в киевский период. Тогда же сложился круг людей — Н. А. Бердяев, П. П. Блонский, С. Н. Булгаков, В. А. Водовозов, А. Н. Гиляров, И. И. Гливенко, В. В. Зеньковский, А. И. Сикорский, Е. Н. Трубецкой, О. Ю. Шмидт, Г. Г. Шпет, А. М. Щербина и др., — с участием которых оказались связаны важные события биографии Георгия Ивановича, как в эти, так и последующие годы [1, с. 60—62].

Особая страница в процессе становления Челпанова как ученого и организатора науки — заграничные командировки, позволившие ему достоверно оценить уровень развития и преподавания научной психологии в мире. За границей он слушал лекции по физиологии у Э. Г. Дюбуа-Реймона, Э. Геринга и А. Кенига, по психологии — у К. Штумпфа и В. Вундта, практиковался в области экспериментальной психологии в Психологическом институте Вундта в Лейпциге и в Институте физиологической оптики в Берлине. Первая командировка состоялась в 1894—1895 гг., вторая — в 1897—1898 гг.

В первые годы своего пребывания в Киевском университете с 1892 по 1896 г. Челпанов публикует около 20 статей и критических рецензий в центральных журналах «Вопросы философии и психологии» (Москва) и «Мир Божий» (С.-Петербург).

В 1896 году в Киеве выходит в свет большая научно-теоретическая работа Челпанова «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. 1. Представление пространства с точки зрения психологии» [55], которая была подготовлена им к защите в качестве диссертации

ции на соискание степени магистра философии. Тема, заявленная в основных чертах Челпановым еще в 1884 г., прошла с тех пор длительную апробацию и в лекционных курсах по психологии в Московском и Киевском университетах, и в ходе научных дискуссий в Психологической семинарии, и в его научных публикациях. Подготовленная диссертация представляла собой пример методологического синтеза гуманитарного и научно-естественного знания в области разработки фундаментальных проблем психологии.

Но по независящим от него причинам время защиты затягивалось. Из письма О. Е. Челпановой от 27 февраля 1895 г.: «...печатанье диссертации подвигается медленно и о защите ее весной не может быть и речи. Впрочем, и Грот не может до лета назначить диспута, потому что и книга еще не скоро поступит, и чтобы подготовиться к оппонированию ее нужно будет не мало времени для самого Грота. Раньше сентября защищать нельзя будет» [23]. Наконец день защиты был назначен на 25 октября 1896 г., и она состоялась на историко-филологическом факультете Московского университета. Накануне долгожданного события киевские студенты, горячо сопереживающие любимому педагогу, «написали коллективное послание Московским товарищам-студентам, сообщающее этим посланием о том, какая знаменитость должна защищать сего 25 октября диссертацию в их университете и о том, как в виду этого они должны приветствовать и отнестись к этой знаменитости». Об этом с юмором сообщает в письме 1896 г. Ольга Епифановна [28]. Диспут, в ходе которого защищалась диссертация, прошел успешно. Оппонентами на защите выступили Н. Я. Грот и Л. М. Лопатин.

В 1897 г. Челпанов был избран исполняющим должность экстраординарного профессора Киевского университета по кафедре философии [30].

После защиты диссертации темп научной и педагогической деятельности Челпанова не снизился. В университете Св. Владимира с неизменным успехом проходили курсы его лекций по психологии, философии, логике, этике. В типографии Киевского университета были напечатаны его лекции: по истории основных вопросов этики (прочитанные в весеннем полугодии 1897 г.); о теориях, направленных на критику материалистического направления в психологии (осеннее полугодие 1898 г.); лекции, посвященные критическому рассмотрению материализма («Мозг и душа»); обзор современных учений о душе (1898–1899 гг.); курс логики (весеннее полугодие 1900–1901 гг.); о современных философских направлениях (осеннее полугодие 1902 г.). В журналах были опубликованы статьи «Мозг и мысль (Критика материализма)» (1896), «О ценности жизни (Критика

пессимизма)» (1896), «О свободе воли» (1897), «К вопросу о восприятии пространства» (1897) и обзоры новейшей литературы по психологии (1894–1898), по теории познания (за 1890–1898), о природе геометрических аксиом (1899), по восприятию пространства (1895–1898) и др. В 1900 г. Челпанов публикует работы «О памяти и мнемонике», «Очерк современных учений о душе», «Обзор новейшей литературы по теории познания (Учение об априорности числа, пространства, времени и причинности)», «Обзор литературы по трансцендентальной эстетике Канта (1870–1990)», «Моральная система утилитаризма», а в последующие годы — «Философия Канта» (1901), «Эволюционный и критический метод в теории познания» (1902), «Психология и теория познания» (1903), выходит второе издание его замечательной работы «Мозг и душа» (1903), которая была признана лучшей книгой «не только в русской, но и мировой литературе», содержащей критику «метафизического материализма» [19, с. 10].

Магистерская диссертация задала творческий импульс для продолжения исследования проблемы восприятия пространства в новом гносеологическом ракурсе. Точка зрения Челпанова на ряд ключевых теоретико-познавательных положений, по мнению, высказанному, в частности, Н. Я. Гротом⁴ и В. Ф. Саводником⁵, требовала уточнения. Как было отмечено выше, вопрос исторической эволюции и важности установления аутентичности общепринятых значений научных терминов был озвучен Челпановым на вступительной лекции 1892 г. Необходимое продолжение и авторское разрешение этот вопрос получил в труде 1904 г. «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II. Представление пространства с точки зрения гносеологии», который стал диссертационным исследованием, представленным Челпановым на соискание степени доктора философии [56]. В нем были рассмотрены психологические вопросы восприятия пространства; дан исторический очерк теорий о врожденности познания и учения Канта об априорности; выявлено отношение, существующее между психологическими и гносеологическими аспектами познания, эволюционной психологией и априоризмом в подходах к его анализу, определены его априорные элементы; доказана необходимость априористской теории для объяснения происхождения геометрических аксиом и реальность объективной основы пространства. Свою теоретическую позицию Челпанов определил как идеал-реализм (В. Зеньковский: телеологически трактуемый трансцендентальный реализм [18, с. 11]). Отличительной чертой подхода Челпанова было «очень тонкое чувство того, что в проблеме реальности относится к гносеологии, а что — к онтологии, где нельзя зада-

⁴ Грот Н. Я. (рец.). Г. И. Челпанов. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. I. Представление о пространстве с точки зрения психологии. Киев, 1896 // Вопросы философии и психологии / Под ред. Л. М. Лопатина и В. П. Преображенского. 1896. Кн. 5 (35). Ноябрь-декабрь. С. 651–656.

⁵ Саводник В. Ф. Несколько замечаний по поводу книги г. Челпанова «Проблема восприятия пространства» // Вопросы философии и психологии / Под ред. Л. М. Лопатина и В. П. Преображенского. 1896. Кн. 35. Ноябрь-декабрь. С. 641–650.

вать вопрос о статусе «самой реальности», а где его ставить необходимо» [16, с. XIX]. В Киевском университете Св. Владимира 21 марта 1904 г. «в публичном Собрании историко-филологического факультета, и. д. экстраординарного профессора магистр Г. И. Челпанов» защитил докторскую диссертацию [9]. Официальными оппонентами от факультета выступали А. Н. Гиляров и Е. Н. Трубецкой [8]. Важнейшим элементом для понимания теоретических инноваций, предложенных в докторской диссертации, до настоящего времени остаются материалы полемики Г. И. Челпанова (1904) с проф. А. Н. Гиляровым (1904, 1905)⁶.

После защиты с 7 мая Челпанову была присуждена ученая степень доктора философии [9], а 1 июля 1904 г. он был официально избран ординарным профессором Киевского университета по кафедре философии и утвержден в чине статского советника [42, с. 193].

19 августа 1905 г. Георгий Иванович получил «бесрочную паспортную книжку», которая фиксировала, что статский советник, доктор философии Георгий Иванович Челпанов, ординарный профессор Императорского университета Св. Владимира по кафедре философии, вероисповедания православного, является *кавалером ордена Св. Анны 3 ст. и Св. Владимира 3 степени* [12].

В 1905 г. в Киеве выходят две работы Георгия Ивановича, сделавшие его и без того популярное имя еще более известным, — это «Введение в философию» и «Учебник психологии: (для гимназий и самообразования)». Первая из названных книг выдержала в течение 13 лет 7 изданий, последнее из которых датировано 1918 г.; вторая была переиздана 16 раз и последний — в 1919 г. С 1896 по 1906 гг. в журнале «Вопросы философии и психологии», «Университетских известиях» и «Божий мир» Челпанов опубликовал около 30 статей и критических рецензий.

В 1906 г. Георгию Ивановичу последовало официальное приглашение из Москвы. Ученый совет Московского университета посчитал его кандидатуру единственно достойной для избрания на должность ординарного профессора по кафедре философии и психологии после кончины ее декана кн. С. Н. Трубецкого. И Челпанов был «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 9... декабря... перемещен тем же званием в Московский университет» [10]. О реакции Историко-филологического факультета на уже состоявшийся факт официального перевода Г. И. Челпанова свидетельствует ходатайство, отправленное его деканом на имя ректора университета: «...В лице Г. И. Челпанова университет Св. Владимира и Историко-филологический факультет имеет не только выдающегося ученого по кафедре философии,

плодовитого и талантливого писателя, но, что встречается едва ли не реже, чрезвычайно умного и смышленного преподавателя, а также блестящего лектора... Он является и организатором и душою... обнаруживающего интенсивную ученую деятельность философского семинария, привлекающего ежегодно большое количество студентов. Их не останавливает даже строгая проверка знаний, поставленная профессором Челпановым как *condition qua non* принятия в состав работающих в семинарии. Опытный преподаватель, профессор Челпанов едва ли не самый строгий из экзаменаторов историко-филологического факультета, добросовестно проверяющий знания студентов... Все эти качества профессора Челпанова делают крайне сложной и трудно поправимой его потерю... За неимением вполне подходящих специалистов... придется ... обратиться к конкурсу, результаты его крайне проблематичны и не могут обнаружиться ранее осеннего семестра 1907 г. До тех пор преподавание по кафедре философии... будет прервано самым болезненным образом. Ввиду этого, а также того, чтобы профессору Челпанову участвовать в оценках результатов конкурса и тем облегчить факультету возможность получить достойного продолжателя линии профессора Челпанова, Историко-филологический факультет считает продолжение службы его в университете Св. Владимира в весеннем полугодии 1907 г. для себя не только крайне желательным, но и необходимым» [11]. Челпанов остался в Киеве еще полгода. В мае студенты подготовили любимому профессору общегородские проводы, получив разрешение на отправленное ими в Министерство Народного просвещения ходатайство «Об устройстве торжественного заседания историко-филологического факультета: для чествования профессора университета Св. Владимира Г. И. Челпанова... по случаю его перехода в Московский университет» [5]. Сохранилось кредитное предписание от 3 августа 1907 г., свидетельствующее о присуждении статскому советнику Г. И. Челпанову «большой премии императора Петра Великого за сочинение “Учебник психологии”» [6].

В этом же 1906 г. Георгия Ивановича постигло страшное личное горе: неожиданно скончалась его жена Ольга Епифановна. Без матери на руках у отца остались трое детей: Александр 11 лет, Наталья 8 лет и Татьяна 5 лет [24].

Осенью 1907 г. избранный решением Ученого совета на должность ординарного профессора по кафедре философии и психологии Челпанов приступает к чтению лекций в Московском Императорском университете. Благодаря самоотверженной научной деятельности Челпанова на этом посту психология обрела статус *академической* научной дисциплины.

Его вступительная лекция, прочитанная 19 сентября, была посвящена вопросу отношения психоло-

⁶ Гиляров А. Н. (рец). Г.И. Челпанов. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II. Представление пространства с точки зрения гносеологии. Киев, 1904 // Университетские известия. 1904. № 11. С. 1–19; Гиляров А. Н. (рец). Г. И. Челпанов. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II. Представление пространства с точки зрения гносеологии. Киев, 1904 // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Ч. CCCLVI. Декабрь. С. 419–434.

гии к философии, имеющему, по убеждению Челпанова, существенное значение для судьбы психологии [49]. Отдав долг памяти безвременно ушедшему из жизни проф. С. Н. Трубецкому, сумевшему своим научным творчеством создать «законченный очерк метафизической системы «конкретного идеализма», в которой философия приходит в такое близкое соприкосновение с религией», и тем самым доказать жизнеспособность истинной философии [там же, с. 309], Георгий Иванович консолидировался с тем пониманием задач науки, которое было присуще его предшественнику на университетской кафедре, и подчеркнул общность их философской позиции. Выстроив систему доказательств в защиту тезиса, что психология есть философская наука, Челпанов выявил ее взаимосвязи с метафизикой и теорией познания; показал научную несостоятельность выражения «психология без души»: поскольку исследование психической жизни необходимо требует признания активного начала, субъекта, т. е. души; обосновал базовый характер философски обработанного понятийного аппарата для результативности операциональной деятельности (описание, объяснение и классификация) при изучении психических явлений. Челпанов указал на преемственность задач психологии и философии в процессе построения науки о духе. Со стороны психологии решение этой метазадачи принадлежит общей, теоретической или философской психологии. В ее рамках происходит приведение к единству и классификация по отношению к общей системе психологического знания тех эмпирических данных, которые находятся в распоряжении различных психологических дисциплин. Разрабатывать психологию, по мнению Челпанова, должны специалисты различных областей науки, в силу профессии обращающиеся к фактам проявления душевной жизни (лингвисты, историки, психиатры и др.); но разрабатывать *систему* психологии могут только психологи-философы, специалисты в области общей психологии, которая и есть собственно психология, призванная исследовать «законы духа». Следствием правильного понимания отношения, существующего между психологией и философией, по мнению Челпанова, является точное определение места естественно-научной психологии как условия «правильного хода развития научной психологии» [там же, с. 323].

Тема программной лекции была развита в докладе «Задачи современной психологии» (1909), прозвучавшем на втором Всероссийском съезде по педагогической психологии, в котором Челпанов с тех же теоретических позиций обратился к ее практически значимой стороне — вопросу о методах научной психологии [45]. Исходя из энциклопедичности как свойства психологического знания, он доказал единство познавательного потенциала экспериментальных и умозрительных методов исследования, абсурдность распространенного мнения о существовании и противопоставленности «двух психологий». Экспериментальный метод предполагает метод са-

монаблюдения: любое психическое явление получено в результате самонаблюдения и операционализируется в терминах самонаблюдения. Эксперимент в психологии не является принципиальным нововведением последних лет; его результативность подлежит количественной оценке; без теории — дедукции — он превращается в бессмысленное собирание фактов. Но применение экспериментального метода показано при решении многих современных проблем психологии. Потому в образовательных учреждениях нужно расширять работу по их изучению. Для правильной ее организации необходимо соблюдать требование первоначальности теоретического образования, предвещающего обучение собственно методам экспериментального исследования. Таким образом, выдвигая на первый план проблему «основательности» разработки эксперимента в психологии, Челпанов способствовал формированию основ профессиональной культуры психологов.

В печати Челпанов предложил к обсуждению целый ряд основополагающих теоретико-методологических проблем: о предмете психологии (1908), об экспериментальном исследовании высших умственных процессов (1909), о задачах психологии (1909), об индивидуально-психологических исследованиях (1910), о проблемах психологии и педагогики (1911, 1912).

Средством борьбы с дилетантством, стремящимся проникнуть в психологию, испытывающим пренебрежение к теоретическим знаниям и питающим заблуждение относительно степени трудоемкости сбора психологических фактов, Челпанов всегда считал воспитание культуры психологического мышления, которая должна формироваться с учебной скамьи. Заступив на новое место службы, он поднял вопрос о слабой организации преподавания психологии в университете и ее искусственной локализации в лоне учебных (но не научных!) задач историко-филологического факультета: психологии, был убежден Челпанов, необходима самостоятельная кафедра.

Начиная уже с 1907 г. при Московском университете Челпанов организует Психологическую семинарию, или Лабораторию. Работа семинарии начинается с проведения лекционных и практических занятий по экспериментальной психологии, а через два года в план ее работы были включены и научные экспериментальные исследования.

Как следует из воспоминаний одного из первых московских учеников Челпанова Н. А. Рыбникова, Георгию Ивановичу великолепно удалось подобрать людей в дружный коллектив и побудить их к активной работе: «Педагог и организатор он был исключительный... (Лаборатория) помещалась в трех комнатах нового здания Университета, с левой стороны от входа, окнами к памятнику Ломоносову... Первая комната — библиотека, где можно было почитать и позаниматься. Там выставлялись очередные доклады, тезисы. Рядом — большая комната — Лаборатория. Несколько столов с аппаратурными установками. Здесь-то и велись опытные работы, причем гра-

фик их был так составлен, чтобы участники работы не мешали друг другу. Последняя — дальняя комната — кабинет самого Челпанова, который там бывал почти все время, если не читал лекций⁷. Заседания семинара и доклады по экспериментальной психологии проходили в Лаборатории. В семинаре участвовало около 20 человек, прошедших соответствующие испытания⁸, но по экспериментальной психологии работали не все» [37, с. 6]. Плеяду первых российских экспериментальных психологов составили студенты Г.И. Челпанова — М. Балабанов, С.Н. Беляева-Экземплярская, Н. Гордеев, А. Каэлас, К. Корнилов, С. Кравков, Н. Рыбников, Б. Северный, В. Смирнов, П. Тутышкин, К. Фридрих, Б. Холчев, В. Экземплярский.

В связи с задачами преподавательской деятельности Челпанов подготовил серию переизданий своих учебно-психологических работ: «Введение в философию» (1907, 1910), «Учебник психологии» (1907, 1909, 1910), «Учебник логики» (1907, 1909, 1911); издал курсы лекций по психологии и логике (1909).

Венцом многосторонней профессиональной деятельности Г.И. Челпанова остается организация и открытие им первого Психологического института в Москве.

Создание в 1912 г. Психологического института явилось результатом уникального научного проекта начала XX в. Его осуществление связано с именем как Георгия Ивановича Челпанова, так и знаменитого российского предпринимателя и мецената Сергея Ивановича Щукина (1854—1936). Как уже было показано выше, Челпанов был одним из первых отечественных ученых, указавшим на действительное значение психологии для любой из сфер деятельности человека, сумевшим спрогнозировать широкую научную перспективу ее будущего развития и необходимость подготовки высокопрофессиональных специалистов в этой области. Для психологии, пребывающей в виде области знания, содержание которого интерпретировалось через другие науки, а понятия использовались как комментарии к проблемам философии, медицины или достижениям физиологии, профессор Челпанов выработал определение предмета и методов исследования, построил иерархическую систему ее специальных дисциплин. В разноплановой востребованности психологических знаний ученый предугадал «болеющую точку» психологии как науки — возможность ее распада на отдельные отрасли, связанную с увлеченностью конкретно-практическим применением результатов в ущерб фундаментальным исследованиям, направленным на изучение сложнейших законов диалектики психического. Средство предотвращения уже наметив-

шейся в первой четверти XX в. атомизации психологии Челпанов видел в создании крупного общепсихологического центра, задачей которого бы явилась консолидация «всего того, что относится к изучению духа и проявлению душевной жизни» [46, с. 5].

Обдумывая проект будущего института, Челпанов в 1910—1911 гг. детально ознакомился с работой и устройством психологических лабораторий, возглавляемых лучшими профессорами Германии, — В. Вундтом, К. Штумпфом, К. Марбе, О. Кюльпе, а также психологических институтов, созданных при ведущих американских университетах. Нетрудно предположить, что в рамках скудного университетского бюджета план создания высокотехнологичного научного центра вряд ли имел бы свое достойное воплощение. Но экономические трудности были преодолены благодаря пожертвованиям московского купца С. И. Щукина, действовавшего в традиционном духе посильного служения своему Отечеству, характерного для лучшей части российских предпринимателей. Сумма, предложенная им на строительство и обустройство Психологического института при условии, что деньги будут переданы в полное распоряжение проф. Челпанова, а самому институту будет присвоено имя его покойной жены Лидии Григорьевны Щукиной (1864—1907), была соразмерна грандиозному замыслу ученого. Естественно, Георгий Иванович вложил в создание института весь потенциал своих выдающихся организаторских способностей. В июле 1910 г. Министерством народного просвещения был утвержден проект здания, в конце января 1911 г. было начато, а в ноябре уже закончено его возведение. К началу 1912 учебного года институт был готов к работе и приему слушателей.

Об уровне его научно-технического оснащения можно судить по восторженным отзывам зарубежных коллег, обладавших собственным, и немалым, практическим опытом организации научных лабораторий. Их общий смысл ясно выразил знаменитый американский исследователь Э. Титченер: «Приспособления и оборудование соперничают, если не превосходят лаборатории, где-либо в мире существующие» [39, с. 32]. Выстроенное по специальному целевому проекту (и этому в тот период в мире не существовало аналогов) здание института было самым большим в мире среди учреждений подобного типа. Оно имело три этажа и около 60 внутренних помещений. Использование площадей было тщательно продумано: для чтения лекций и заседаний московского Психологического общества предназначалась большая аудитория на 300 человек, около нее располагались библиотека с читальным залом и отдельная комната для проведения семинаров, для экспериментальной практики были обустроены малая аудито-

⁷ Помимо проведения занятий в семинарии Челпанов читал ежегодно 16 лекций и вел практические занятия [21, с. 242].

⁸ Испытания заключались в следующем. Каждый желающий участвовать в работе семинарии должен был рассказать о своих научно-психологических приоритетах, написать работу по заданной теме и показать свои знания по иностранному языку. За основу принимались интересы самого студента. Так, П. А. Шевареву, пожелавшему вступить в семинар и изучавшему французский и немецкий языки, после разговора об интересовавших его проблемах психологии «Челпанов дал книгу Титченера на английском языке, по которой Шевареву надлежало и сделать доклад» [17, с. X].

рия на первом и 10 лабораторных помещений на втором этажах, помещения третьего этажа были целиком оборудованы для научно-исследовательской работы, для оптических и акустических исследований были предусмотрены специальные кабинеты, а возможность проведения научных исследований в автономном режиме и выполнение творческих заявок сотрудников на изготовление уникального оборудования обеспечивали хорошо оснащенные мастерские в нижнем ярусе здания. Таким был первый в России Психологический институт. Первым директором его стал Г. И. Челпанов.

Официальное открытие института, работа которого практически началась с 1912 г., состоялось в 1914 г. О новом научном учреждении центральные СМИ — «Столичная Москва», «Утро России» и др. — в то время писали как о «дворце психологической науки», и отмечали, что он не имеет себе равных не только по оборудованию, но и по уровню организации научно-педагогического процесса [2, с. 3].

Создание Института поставило на реальную основу преобразование психологической подготовки. Г. И. Челпановым была разработана четкая система обучения специалистов и на деле осуществлен принцип преемственности этапов психологического образования; определен необходимый для абитуриентов объем гуманитарных, математических и естественнонаучных знаний; разработаны лекционные курсы по общей, педагогической, дифференциальной психологии, а также содержание практических занятий по экспериментальной психологии.

Незаменимой методической базой выступили изданные работы Г. И. Челпанова «Об экспериментальном методе в психологии» (1913), «К вопросу о соотношении между психофизическими методами» (1914). В 1915 г. Челпанов опубликовал «Введение в экспериментальную психологию» — книгу, содержание которой составил курс его лекций 1909—1910 гг., не один год она оставалась самым востребованным учебным пособием по экспериментальной психологии. В этом же году выдержали очередное переиздание учебники по психологии и логике, в 1916 г. — «Введение в философию».

Школа Г. И. Челпанова, так как он ее задумывал и развивал, была явлением чисто научным, т. е. свободным в своих творческих основаниях от любых идеологических привнесений. Для него был немислим диктат в отношении мировоззренческих установок своих учеников. Уважение права каждого сотрудника на собственную социальную позицию стало традицией в стенах созданного им научного центра. Все отмечали отличающую Челпановский институт особую атмосферу доброжелательности, бескорыстия и самоотверженной преданности науке.

Институт стал высокопрофессиональной базой научных исследований и центром подготовки психологов для всей России. Он развивался как живой организм: его структура не была косной и изменялась, чутко реагируя на психологические запросы време-

ни. Так, к началу 1920-х гг. было создано Отделение прикладной психологии (зав. В. А. Экземплярский), Кабинет этнической и социальной психологии (зав. Г. Г. Шпет), Общество экспериментально-психологических исследований (в которое вошли специалисты разных факультетов университета).

Результаты теоретических и практических исследований сотрудников нового психологического центра нашли свое отражение в вышедшем в печати в 1914 г. первом томе Трудов Психологического института.

После революции 1917 г. Г. И. Челпанов остается в России. Известно, что один из братьев Георгия Ивановича готовился к эмиграции и предлагал ему уехать за границу, но для него и жизнь и работа были возможны только на родине [24, с. 3].

В условиях чудовищных перемен, происходящих в стране, Челпанов не теряет крепости духа и продолжает начатое им дело формирования отечественной психологической науки.

В 1917 г. Челпанов осуществил свой замысел создания единого информационного центра для специалистов в области психологии: он (вместе со Г. Г. Шпетом) начал издавать журнал «Психологическое обозрение». В двух первых номерах была помещена его статья «Об аналитическом методе в психологии» (1917 и 1918 гг.). Из-за недостатка средств для финансирования журнала его выпуск пришлось прекратить в 1918 г.

В 1917 году вышла рецензия Г. И. Челпанова на книгу В. В. Зеньковского, посвященная рассмотрению теоретической проблемы психической причинности; рецензии на книги А. П. Болтунова и Н. А. Рыбникова, в которых были проанализированы вопросы практического использования метода анкетирования и особенностей исследования представления об идеале; опубликована полемическая статья «О превращении школ в психологические лаборатории»; в седьмой раз переизданы «Учебник логики» и «Введение в философию». В 1918 г. он опубликовал остроподемическую работу «Демократизация школы» и сумел переиздать весь цикл написанной им учебной литературы (6 наименований) и книгу «Мозг и душа».

В 1919 году Челпанов был назначен на должность декана философского факультета Московского университета, но в этом году ему удалось напечатать только «Учебник психологии» (16-е изд.).

В 1920-х гг. в системе отечественных наук воцарилось идеологическое направление, и у психологии появилась директивная потребность поиска своих оснований в русле вульгарно-механистической версии марксистской философии. Ее положения о формировании личности только социальными факторами, необходимости воспитания совсем «нового» человека, критериальной непогрешимости практики построения коммунизма и в первую очередь ее атеистически-атомистический первопринцип стали мировоззренческой почвой для взращивания идей манипулятивного управления человеком, «овладения» его психикой и искусственного конструирования у

него «оптимальных» для решения новых политических задач свойств и качеств [34, с. 202].

Включение психологии в идеологический контекст ознаменовалось созданием новых дисциплин — педологии и психотехники. В их рамках предполагалось под углом новейших требований «осмыслить и проверить результаты» прежних исследований, «прочистить методы и основные понятия» психологии, более того — заложить ее «фундаментальные принципы» [6, с. 292].

Для того чтобы отвечать запросу на искусственное управление человеческим поведением, психотехники выстраивали свою теорию по образцу естественных наук, т. е. отвлеченную от рассмотрения этических, ценностных и смысловых категорий [33]. Педологи, настроенные на массовое тиражирование «улучшенного издания человека» (цит. по: [41, с. 59]), доказывали ненужность генетического подхода, изучения проблемы природных основ и индивидуальных различий психики, выступая за достаточность использования измерительных процедур (тестов) в психолого-педагогической работе школы. «Ученик — это реагирующий аппарат» [7, с. 3] — вот самая важная истина, которую они стремились раскрыть перед учителем.

К 1930-м годам психологическая наука практически закончила работу по отождествлению своих принципов с правилами политической игры, но, поскольку большая игра сама выбирает себе игроков, катастрофическое развитие событий стало для нее неизбежным.

Психология в духе вульгарного материализма, спешно создаваемая в приказном порядке, и психологическая наука, созидаемая трудами Челпанова и его последователей, *по существу своих принципов были антиподами.*

Глашатаями перевода психологии на «рельсы марксизма» (а фактически, атомистически-механистического материализма) в стенах Психологического института оказались К. Д. Корнилов и П. П. Блонский. Элементарные по содержанию, но отличающиеся натиском и умелым манипулированием именами великих мира сего, их выступления в печати и на публичных заседаниях института проходили в атмосфере страха и нравственного одичания, воцарившихся в научной среде, и сыграли предписанную им роль «психической атаки», сопровождающей императивное внедрение марксизма в психологию «сверху». Левиафан новой государственности нуждался в «подготовлении новых кадров работников просвещения» (1919) [3, с. 139] и с неотвратимостью осуществлял свою программу. Георгий Иванович, оценивая ситуацию, писал: «Когда правительство объявило, что психология должна, подобно всем наукам, разрабатываться в духе марксизма, нас обвинили в том, что мы как метафизики и идеалисты для дальнейшей работы не годимся» [22, с. 90].

В 1921 г. историко-филологический факультет Московского университета (наряду с другими гуманитарными факультетами) был подвергнут разруши-

тельной «реорганизации». С сентября 1922 г. начал функционировать факультет общественных наук, призванный проводить линию партии в гуманитарных науках. Психологический институт был введен в Ассоциацию научно-исследовательских институтов при ФОНе. Фактически он был оставлен в качестве вспомогательного учреждения по обслуживанию деятельности педагогического отделения ФОНа (предоставлять свои помещения для его работы вменялось институту в обязанность). Его штат был составлен из 12 человек в звании действительных членов и 20 человек в звании научных сотрудников. Структурно институт был разделен на четыре секции: общей психологии (включая историю психологии), экспериментальной, физиологической и прикладной психологии [37]. Г. И. Челпанов был утвержден в звании действительного члена Психологического института по секции Общей психологии [40] и почти до конца 1923 г. осуществлял руководство институтом [41, с. 115].

В октябре 1923 г. в результате «очень твердо» проведенной на заседании факультета общественных наук «чистки» Г. И. Челпанов вместе с другими профессорами («пользующимися громкими именами») был отстранен от преподавания в университете «ввиду общественно-политических взглядов, ...идеалистического мировоззрения и т. п. соображений» (из отчета члена Моссовета В. Я. Брюсова о ходе реорганизации Московского университета) (цит. по: [2, с. 13]).

В ноябре 1923 г. он был уволен из Московского университета и смещен с должности директора Психологического института. Место директора занял К. Д. Корнилов.

Учитывая политизированную обстановку тех лет, можно с уверенностью сказать, что на развитие событий «советского периода» в жизни Георгия Ивановича повлиял и факт его принадлежности к политически «неблагонадежной» семье. Еще в 1920 г. Георгий Иванович получил от своей племянницы Софьи Васильевны известие об аресте в Мариуполе его старшего брата, а через месяц узнал, что Василий Иванович Челпанов расстрелян по обвинению в контрреволюционной деятельности.

За увольнением Челпанова, безжалостным и безнравственным, последовало и фактическое изгнание из Института его учеников В. М. Экземплярского, С. В. Кравкова, П. А. Рудика, Б. Н. Северного, П. А. Шеварева и других, и это особой болью отзывалось в сердце учителя.

Сохранился бесценный документ, относящийся к концу 1923 г., — черновой автограф ответного слова Георгия Ивановича на выражения сочувствия в свой адрес в связи с увольнением из Психологического института [35].

«Я глубоко тронут выражением Вашего сочувствия по поводу вынужденного ухода моего из Института и приношу искреннюю благодарность за него, но, к сожалению, Ваши судьбы оказались неразрывно связанными с моей, и это тяжелое испытание⁹ выпало и

⁹ Все выделения в тексте сделаны рукой Г. И. Челпанова. — Прим. авт.

на Вашу долю, даже в большей мере, чем на мою. Я заканчиваю свое жизненное поприще, Вы его только начинаете. Все то, что приходится на долю одной человеческой жизни, то я уже свершил. У вас же все это еще впереди, в будущем... Примите мое сочувствие и пожелание, чтобы вы не окончательно порвали с наукой и чтобы в будущем Вы все же вернулись к интенсивной научной работе...

...Что же для этого нужно сделать? Есть кодекс, в котором очень точно и недвусмысленно изложены наши психологов неоспоримые права. Этим кодексом мы до сих пор очень мало пользовались. Мы просто в него не заглядывали. Когда нас обвиняли, мы просто обвинялись, может быть, даже не подозревая о существовании такого кодекса.

Этот кодекс — есть сочинения Маркса и Энгельса. Его нужно изучить. Это ваш долг перед наукой. Если в глухой провинции писание Енчмена и др. принимается за подлинный марксизм, то с этим приходится мириться. Но если в Университетском городе психологи, получившие философское образование, станут без проверки считать элукубрации Енчмена марксизмом, то это будет очень унизительно для русской философской мысли. И так, будем не покидать нашей научной психологической работы и будем всеми силами стремиться к ее реабилитации.

Если мы это сделаем, то в тот момент, когда судьба вновь нас призовет к работе, мы будем в состоянии вновь объединиться и опять составим дружную семью. И выполним свой долг перед русской наукой и культурой.

... Но что нам делать в ближайшее время?

Покидая Институт, мы лишаемся возможности вести коллективную работу и вместе с этим, конечно, утрачиваем те высокие импульсы, которые с ней связаны, но мы не будем предаваться унынию. Отдадим временно индивидуальной работе. Так навыки и интересы, которые приобретены за время Институтской работы, вполне гарантируют успешность нашей индивидуальной работы. Но я думаю, что мы наш долг перед русской наукой не выполним полностью, если будем думать только о личной работе и саморазвитии.

Мы должны будем всегда помнить, что мы и та наука, которой мы призваны служить, несправедливо осуждены, и что рано или поздно мы должны реабилитировать и себя и нашу науку.

Для этого мы все здесь присутствующие должны на всех путях жизни всеми доступными нам средствами защищать психологию.

...Еще так недавно очень многие из здесь присутствующих справляли крестины Института, а сейчас, страшно подумать, может быть, мы присутствуем на его похоронах. Какие надежды мы питали тогда. Теперь нам приходится уходить, не выполнив и четверти того, что мы надеялись выполнить. Мы стойко вынесли и бедствие войны, и все невзгоды бурного периода революции. Мало того, мы даже немножко выросли в это необыкновенно тяжелое для науки время. И вот теперь в эпоху мирного строи-

тельства революции мы должны уходить и прервать неоконченную работу! С этим, конечно, трудно мириться. Когда тяжелая колесница революции в своем порывистом шествии давит и виновит и ни в чем неповинных, мы готовы с этим мириться. Мы в этом видим что-то непреодолимое! Но когда в мирное время разрушается с таким огромным трудом созданное культурное дело и разрушается без всякой надобности, то мы с этим никак примириться не в состоянии. Если бы мы стали искать причины, то должны были бы признать, что это является результатом необыкновенно низкой культуры.

Гибель научной психологии, невольными свидетелями которой мы являемся, у нас в России есть результат нашей общей некультурности.

Ведь гонение на психологию, как какая-либо эпидемическая болезнь, пронеслась по всему миру. Всюду пронесся клич "объективная психология", "психология поведения", бихевиоризм, рефлексология. Но, однако, как различно реагировали на него различные народы. Западные народы Германия, Франция, Англия не приняли рефлексологию. Более длительное увлечение этой последней оказалось в Америке, но посмотрите, какой энергичный отпор дали бихевиоризму и рефлексологии американские психологи... Каким слабосильным оказался по сравнению с этим организм русской психологии. Всероссийский съезд психоневрологов спасовал перед рефлексологией, даже перед такой комической фигурой как Тутышкин.

И вот в результате нашей малокультурности научная психология стерта с лица земли русской: ни говорить, ни печатать, ни собираться — даже обсуждение научных вопросов по психологии в настоящее время не представляется возможным. Если это продлится долго, то конец психологии в России очень недалеко!

Но будет ли это положение очень длительно? Я этого не думаю».

В первую очередь Челпанов сам включился в реализацию плана по реабилитации психологии, и систему своих доказательств он построил в прогностическом контексте общемировой перспективы развития психологии в XX в.: «Для меня нет никакого сомнения в том, что психологии в будущем принадлежит первенствующее место среди других наук. Если XVIII век был веком «просвещения», если XIX век был веком «естествознания», то XX век будет веком «психологии». Огромные специальные проблемы, выдвигаемые жизнью, потребуют изучения социальной психологии. Научная мысль будет направлена на изучение не природы, а человека. Не природа, а человек и его социальная структура будет главным предметом научного интереса. Ввиду этого и русская наука должна достойным образом подготовиться к участию в работе общемировой науки» [57, с. 4].

Научное содержание этого этапа его борьбы «с дурной психологией» было отражено в шести выпусках монографии «Психология и естествознание» (1923), работах «Психология и марксизм» (1924, 1925), «Объективная психология в России и Америке (Рефлексология и психология поведения)»

(1925); «Психология или рефлексология (Спорные вопросы психологии)» (1926), «Социальная психология или «условные рефлексы»» (1926), «Спинозизм и материализм (Итоги полемики о марксизме в психологии)» (1927) и др. Еще в работе 1900 г. «Мозг и душа» Челпанов выступил с опровержением все более укоренявшегося в обществе представления, что теория экономического материализма XIX в. есть результат и научное подтверждение материалистического мировоззрения. В 1920-х гг. он, обращаясь к анализу первоисточников (а не к той интерпретации «на злобу дня», которой заменили смысл их содержания борцы за марксизм от психологии), показал, что теория Маркса не тождественна теориям вульгарного материализма, и ее психологические аспекты базируются на принципе психофизического параллелизма. Соответственно, ввиду общности их основополагающего принципа современной общей психологии в новом идеологическом контексте не требуется ревизия ни методов, ни содержания, и в услугах рефлексологии (которая есть физиологическая редукция явлений душевной жизни) или учения об условных рефлексах (которое, по собственному признанию И. Павлова, есть чистая физиология мозга) и прочих в качестве своих заместителей она не нуждается. В силу внутреннего закона своего формирования в начале XX в. она выдвинула проблему исследования психологического общения, или коллективной психологии (В. Вундт) как перспективу своего дальнейшего развития, и это совпадает с общественно-исторической направленностью теории Маркса. Отсюда: назрела необходимость построения новой области психологического знания — социальной психологии. В ее ограниченном специальных задачами и предметом методологическом пространстве может быть показано применение «марксистского метода». Совокупное единство индивидуальной и социальной психологии должно составить целое психологии.

Челпанов был активным участником Всероссийской конференции по научной организации труда (1921), Первого Психоневрологического съезда, на котором в январе 1923 г. сделал доклад «Предпосылки современной эмпирической психологии»¹⁰, выступил в дискуссиях 1926 г. во 2-м МГУ в Москве и по приглашению Клуба ученых в Ленинграде с докладом «К столетию объективизма в психологии (О. Конт и Л. Фейербах)».

В 1924 г. Челпанов подает докладную записку в Главнауку, считая необходимым предложить специалистам Института научной философии дать взвешенную оценку невежественным и губительным для дальнейшей судьбы психологии взглядам, пропагандируемым К. Д. Корниловым, П. П. Блонским, А. Б. Залкиндром. В этом же году, пытаясь противостоять процессу развала научной работы в Психоло-

гическом институте, бывшие его сотрудники — последователи челпановской линии в психологии — В. Экземплярский, С. Кравков и П. Рудик обратились в Главнауку с письмом, доказывающим целесообразность возвращения в Институт старых и подготовленных специалистов [31]. Совет Института за подписью его директора К. Д. Корнилова и ученого секретаря А. Р. Лурии категорически отказал в возобновлении работы в нем «организованной группы», стоящей на принципиально чуждой Институту идеологической платформе [29]. В 1926 году Челпанов обратился в Главнауку с предложением об организации Института социальной психологии, способного на должном научном уровне решать проблему социально-психологических исследований. По рекомендации Учебно-консультационной комиссии был выработан план работы Секции социальной психологии, но сопротивление со стороны президиума института и Ассоциации научно-исследовательских институтов было столь сильно, что Секция на деле оказалась фиктивным образованием [2, с. 15].

Последним официальным местом работы Г. И. Челпанова была Государственная академия художественных наук, действительным членом которой он состоял еще с 1921 г., Георгий Иванович работал в физико-психологической лаборатории ГАХН¹¹.

Организатором и руководителем лаборатории был В. М. Экземплярский. Сотрудники лаборатории Н. П. Ферстер, С. Н. Беляева-Экземплярская, сестры О. А. и Н. А. Черниковы и др., получившие профессиональную подготовку в Психологическом институте, проводили исследовательские работы по изучению психофизических условий и протекания процесса эстетического восприятия, направленные на выявление сложных механизмов художественного творчества. Наряду с экспериментальными исследованиями психологи активно участвовали и в обсуждении теоретических проблем, связанных с развитием эстетики, искусствознания, психологии искусства в контексте развития гуманитарных наук в целом.

В 1926 г. Челпанов обратился в Президиум Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов с заявлением, в котором просил разрешить ему участвовать в работах Психологического института и предложил разработанный им план предстоящих экспериментальных исследований. Однако на свое заявление он получил отказ. Но все же в ГАХН ему удалось осуществить значительную часть своего плана. Челпанов в течение 6 лет возглавлял научную работу комиссии по исследованию восприятия пространства и художественного творчества. Специфика этого академического учреждения позволила ему расширить тематику начатых в молодости работ, обратившись к проблемам личности, неосознаваемости психических процессов, влияния культуры на познавательную активность человека. По итогам работы

¹⁰ Историю событий, связанных с проведением Первого Психоневрологического съезда, см.: [1].

¹¹ В литературной секции ГАХН работал Александр Челпанов, сын Георгия Ивановича, который был по специальности филологом-германистом.

он выступил в ГАХН с докладами «Роль движений глаз в оценке красоты формы» (1924), «Психологическое объяснение красоты элементарных форм» (1925), «Роль подсознательного в процессе творчества» (1925), «Психофизическое объяснение эстетического удовольствия» (1926), «Проблемы психологии художественного творчества» (1926), «Методы художественного творчества» (1926), «Механизм творческой мысли (природа вдохновения)» (1927), «Проблема понимания чужой душевной жизни в искусстве» (1928), «Методика экспериментального изучения детского художественного восприятия» (1928), «О творчестве в науке и искусстве» (1929) [16]. В сборнике научных работ сотрудников ГАХН был помещен ряд статей Челпанова; в аспирантуре академии он продолжил свою педагогическую деятельность [22]. В 1928 г. ГАХН выдвинул кандидатуру Челпанова в члены Всесоюзной академии наук. Под представлением, констатирующим заслуги Г. И. Челпанова перед отечественной наукой, стояло 22 подписи, среди подписавших были уже известные в научном мире имена Г. Г. Шпета, А. Ф. Лосева, В. М. Экземплярского. Но тем не менее своего действия это представление не возымело.

В том же 1926 г. Челпанов публикует книгу «Очерки психологии» — одну из наиболее значительных работ этого периода. Ее содержание было направлено на разработку фундаментальных проблем психологии и возможностей их экспериментального изучения, предоставляло обширный материал для углубленного научно-психологического анализа¹².

До 1929 г. Челпанов продолжал свои публичные выступления в Московском Доме ученых. Начиная с 1925 г. им были прочитаны лекции «Проблема эмерджентной эволюции на 6-м Международном философском конгрессе в Америке», «Эволюция бихевиоризма в Америке», «Структурная психология (Gestaltpsychologie) в Германии», «Новейшие психологические течения во Франции», «Закон диалектического развития в современной психологии», «Психология в эпоху Великой Французской революции» [16].

До 1930 г. Челпанов работал в ГАХН в звании действительного члена академии, затем он был отчислен по сокращению штатов.

Официально числясь все последующие годы в вынужденной отставке, Челпанов, насколько позволяли силы, продолжал трудиться на благо отечественной психологической науки. В научном архиве ПИ РАО хранятся материалы 1926–1936 гг., свидетельствующие об изобретательской деятельности Г. И. Челпанова и раскрывающие историю создания и внедрения в учебно-практическую деятельность сконструированного им уникального аппарата для демонстрации экспериментально-психологических методов. «Комбинированный психологический прибор», как его на-

зывал Челпанов, фактически представлял собой компактную и мобильную психологическую лабораторию. Она помещалась в небольшом чемоданчике и могла быть развернута в любых условиях [15].

Последние годы жизни оказались для Георгия Ивановича временем материальных лишений, болезней и тяжелейших личных утрат. Его дочери Наталья, которая вышла замуж за французского атташе, с 1930 г. был запрещен въезд в Советский Союз, и Георгий Иванович больше никогда ее не видел¹³. 3 марта 1933 г. при странных и до конца не выясненных обстоятельствах погибла его вторая дочь Татьяна. В 1935 г. был арестован его сын Александр по сфабрикованному «Делу по обвинению немецко-фашистской контрреволюционной организации на территории СССР (дело № Н9276)». После недолгого следствия, в декабре этого же года филолог-германист А. Челпанов, его школьный учитель Е. Мейер и сотрудник А. Дик, занимавшиеся подготовкой к изданию «Большого немецко-русского словаря», квалифицированного судом как «контрреволюционный и фашистский», были расстреляны. 30 декабря 1935 г. от осложнения после гриппа умерла 10-летняя Мариночка — внучка Георгия Ивановича; девочка так и не привыкла к тому, что рядом не было отца, «она ждала его каждый вечер около двери» [24, л. 6].

Георгий Иванович Челпанов скончался 13 февраля 1936 года. Ему, тяжело болевшему последнее время, так и не решились сообщить о расстреле сына...

Проститься с Георгием Ивановичем люди приходили и 13, и 14 февраля. Психологический институт прислал очень красивые цветы. В последний путь его провожали не только родные, но и все его ученики и сотрудники Психологического института. Слово о Челпанове — ученом, педагоге, прекрасном друге и человеке — произнес С. В. Кравков. Библиотека Г. И. Челпанова, насчитывающая 3000 тыс. томов, была передана Психологическому институту по просьбе его руководства [14, с. 216].

Георгий Иванович воспитал целую плеяду учеников, внесших значительный вклад в решение задачи научного осмысления психологических явлений. Именно в стенах Психологического института они обрели «магистральный сюжет» всей своей последующей научной деятельности. При этом рождались новые научные школы и новые направления отечественной психологии, но ученых, представлявших эти направления, при всем разнообразии спектра проводимых исследований, отличала общность методологического воззрения на предмет психологии — единство основания, сформированного Челпановым. Продолжателям его традиции в науке принадлежит заслуга разработки самого широкого круга основополагающих проблем: философской интерпретации психологии (В. В. Зеньковский, В. П. Зубов,

¹² Первое переиздание «Очерков психологии» после выхода книги в 1926 г. было осуществлено сотрудниками Психологического института в 2006 г.: Челпанов Г. И. Очерки психологии. М.; Обнинск: ПИ РАО; ИГ СОЦИН, 2009.

¹³ Наталью Георгиевну лишили права приехать на похороны отца в 1936 г. — Прим. авт.

А. Ф. Лосев, Б. В. Холчев, Г. Г. Шпет), индивидуальной психологии (В. М. Экземплярский, Б. М. Теплов, А. А. Смирнов), психофизиологии (С. В. Кравков, Н. И. Жинкин, Н. Н. Ладыгина-Котс, Б. М. Теплов), педагогической и детской психологии (В. В. Зеньковский, Н. А. Рыбников, А. А. Смирнов, В. Е. Смирнов, Б. В. Холчев, В. М. Экземплярский),

психологии искусства (С. Н. Беляева-Экземплярская, Н. Н. Волков, Н. И. Жинкин, Б. М. Теплов), психологии труда и психотехники (В. М. Экземплярский, Б. М. Северный, П. А. Рудик) и др. Все это позволяет говорить о Г. И. Челпанове как о первом создателе оригинальной научной школы отечественной психологии.

Библиографические и документальные источники

1. *Богданчиков С. А.* Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К. Н. Корниловым и Г. И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов. Саратов: СЮИ МВД России, 2000.

2. *Боцманова М. Э., Гусева Е. П., Равич-Щербо И. В.* Психологический институт на Моховой. Исторический очерк / Под ред. В. В. Рубцова, А. Д. Червякова). М.: Изд-во ИЧП «ЕАВ», 1994.

3. *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1, с. 291–436. М., 1982.

4. *Выготский Л. С.* Педагогическая психология. М., 1926.

5. ГА г. Киева. 1 ст. № 69. Л. 1; ксерокопия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 1, л. 18.

6. ГА г. Киева. 2 ст. № 69. Л. 1; ксерокопия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 1, л. 8.

7. ГА г. Киева. Ф. 16, оп. 343, дело № 21, л. 1; копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18. Личный фонд Г. И. Челпанова.

8. ГА г. Киева. Ф. 16, оп. 343, дело № 21, л. 1; копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 2, л. 8.

9. ГА г. Киева. Ф. 16, оп. 343, дело № 21, л. 5; копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 2, л. 12.

10. ГА г. Киева. Ф. 16, оп. 343, дело № 108, л. 3; копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 2, л. 18.

11. ГА г. Киева. Ф. 16, оп. 343, дело № 108, л. 4–14; копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 2, л. 16–17.

12. ГА г. Киева. Ф. 16, оп. 343, дело № 108, л. 8–12; копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 3, ед. хр. 2, л. 20.

13. Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве (1891–1916 гг.): Статьи по философии и психологии. М., 1916.

14. *Гусева Е. П.* Из материалов личного фонда Г. И. Челпанова (описание коллекции писем) // Альманах Научного архива Психологического института. Челпановские чтения-2008. М.: ПИ РАО; МГППУ, 2008. С. 207–219.

15. *Гусева Е. П., Серова О. Е.* О деятельности Челпанова по созданию технических средств для обучения и популяризации психологии (по материалам архивного фонда) // Г. И. Челпанов. Очерки психологии. М.; Обнинск: ИГ – СОЦИН, 2009. С. 231–238.

16. *Ждан А. Н.* Георгий Иванович Челпанов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «Психология». 1994. № 2. С. 68–73.

17. *Журавлев И. В.* О философии Г. И. Челпанова // Челпанов Г. И. Введение в философию. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. III–XX.

18. *Зеньковский В. В.* Из «Истории русской философии» / Г. И. Челпанов. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. М.: Изд-во «Круг», 1994. С. 10–11.

19. *Зеньковский В. В.* История русской философии: В 2 ч. М.; Ростов/н-Д.: Феникс, 1999.

20. Из переписки Г. И. Челпанова и А. М. Щербины (публ. Р. Л. Золотницкой) // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 5. С. 86–92.

21. *Летцев В. М.* Жизненный и творческий путь Г. И. Челпанова: борьба за психологию / Г. И. Челпанов. Очерки психологии. М.; Обнинск: ИГ; СОЦИН, 2009. С. 238–245.

22. *Марцинковская Т. Д., Ярошевский М. Г.* Неизвестные страницы творчества Г. И. Челпанова // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 99–106.

23. Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 2. Коллекция писем. Переписка О. Е. Челпановой с разными лицами. Ед. хр. 83.

24. Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 1, ед. хр. 1. Воспоминания Татьяны Mailliard-Parain. Рукопись. С. 1–8.

25. Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 2. Коллекция писем. Переписка О. Е. Челпановой с разными лицами. Ед. хр. 57.

26. Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 2. Коллекция писем. Переписка О. Е. Челпановой с разными лицами. Ед. хр. 1–127.

27. Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 2. Коллекция писем. Переписка О. Е. Челпановой с разными лицами. Ед. хр. 61.

28. Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 2. Коллекция писем. Переписка О. Е. Челпановой с разными лицами. Ед. хр. 60.

29. Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 1, л. 38.

30. Научный архив РАО. Ф. 18, оп. 1. Автобиография Г. И. Челпанова, ед. хр. 1 (л. 2–9); копия: Научный архив ПИ РАО. Ф. 18, оп. 1, ед. хр. 1.

31. Научный архив РАО. Ф. 82, оп. 1, ед. хр. 1, л. 35–37.

32. Наши ученые // Журнал «Иллюстрированное обозрение». 1912. № 9.

33. Носкова О. Г. История психологии труда в России (1917–1957). М.: Изд-во МГУ, 1997.

34. Олешкевич В. И. История психотехники. М.: Academia, 2002.

35. ОР РГБ. Ф. 326. Челпанов Георгий Иванович, к. 37, ед. хр. 60.

36. ОР РГБ. Ф. 326, п. 37, ед. хр. 43, 44.

37. ОР РГБ. Ф. 367, к. 4, ед. хр. 2.

38. Отчет о состоянии и действиях I Московского Государственного Университета за 1922 г. Архив МГУ. Ф. 18, оп. 1, ед. хр. 7; копия: Научный архив ПИ РАО. Ф.

39. Письмо профессора Корнельского университета Титченера // Речи и приветствия на Торжественном открытии психологического института им. Л. Г. Щукиной при Императорском Московском университете. М., 1914. С. 32.

40. Протокол № 11 заседания Научно-политической секции. 18 октября 1921 г. Архив МГУ. Ф. 18; копия: Научный архив ПИ РАО.

41. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: ИП РАН, 1997.
42. *Роменец В. А., Маноха И. П., Бреусенко А. А.* Г. И. Челпанов: период профессорства в Университете Св. Владимира (г. Киев, 1892–1907 гг.). К.: «Гнозис», 2000.
43. Состояние Психологического института в 1923 г. / Отчет I Московского Государственного Университета за 1923 год. М.: Издание I МГУ, 1924. С. 115.
44. *Челпанов Г. И.* К вопросу об априорности и врожденности в современной философии. Вступительная лекция, читанная в Университете Св. Владимира 6 октября 1892 г. Отг. из «Университетских известий». 1892. Киев: Тип. Имп. Ун-та Св. Владимира, 1892.
45. *Челпанов Г. И.* Задачи современной психологии // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 99. С. 285–308.
46. *Челпанов Г. И.* О задачах Московского психологического института // Речи и приветствия на Торжественном открытии психологического института им. Л. Г. Шукиной при Императорском Московском университете. М., 1914. С. 3–6.
47. *Челпанов Г. И.* Об измерении психических явлений // Мир Божий. 1890. № 1. С. 148–163.
48. *Челпанов Г. И.* Об измеримости психических явлений // Философский сборник. Льву Михайловичу Лопатину к тридцатилетию научно-педагогической деятельности. От Московского Психологического Общества. 1881–1911. М., 1912. С. 265–281.
49. *Челпанов Г. И.* Об отношении психологии к философии // Вопросы философии и психологии. М., 1907. Кн. 89 (IV). С. 309–323.
50. *Челпанов Г. И.* Общие результаты психометрических исследований и их значение для психологии // Сборник статей (Психология и школа). М., 1912. С. 1–33.
51. *Челпанов Г. И.* Общие результаты психометрических исследований лейпцигской психологической лаборатории и их значение для психологии // Русская мысль. 1889. Кн. VIII (август). С. 159–189.
52. *Челпанов Г. И.* Отчет о деятельности Психологической семинарии за 1897–1902 гг. / Труды психологической семинарии при Университете Св. Владимира. Т. 1. Вып. 1. Киев: Тип. Императ. Ун-та Св. Владимира, 1904. С. 1–11.
53. *Челпанов Г. И.* Отчет о деятельности Психологической семинарии за 1902–1906 гг. / Труды психологической семинарии при Университете Св. Владимира. Т. 1. Вып. 1. Киев: Тип. Императ. Ун-та Св. Владимира, 1907. С. 1–11.
54. *Челпанов Г. И.* Памяти проф. Н. Я. Грота // Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1911. С. 185–196.
55. *Челпанов Г. И.* Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. 1. Представление пространства с точки зрения психологии. Киев: Тип. Высоч. утв. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1896.
56. *Челпанов Г. И.* Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. 2. Представление пространства с точки зрения гносеологии. Киев: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1904.
57. *Челпанов Г. И.* Социальная психология или «условные рефлексы». М.: Изд. автора, 1926.
58. *Шенрок В. И.* К биографии Н. Я. Грота // Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1911. С. 1–56.

On the 150th Anniversary of Georgiy Chelpanov

V. V. Rubtsov

PhD in Psychology, full member of the Russian Academy of Education, director of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education, rector of the Moscow State University of Psychology and Education

O. Ye. Serova

PhD in Psychology, leading researcher at the Psychological Institute of the Russian Academy of Education

Ye. P. Guseva

PhD in Psychology, leading researcher at the Psychological Institute of the Russian Academy of Education

The article focuses on the life and scientific activities of the distinguished Russian philosopher, logician, psychologist and teacher Georgiy Chelpanov. While presenting some of the previously published information, the article offers a variety of little-known biographical facts revealed through close study of documents of the Scientific Archive of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. This historical and psychological investigation carried out by the authors fulfilled the task of supplying knowledge about the genesis of the Russian psychological thought, about the cultural-historical foundations and moral traditions of Russian science in Chelpanov's school of thought.

Keywords: developmental stages of creative personality, Russian scientific psychological tradition, metaphysical foundations of psychology, experimental method in psychology.

References

1. *Bogdanichkov S. A.* Proishozhdenie marksistskoi psikhologii. Diskussiya mezhdru K. N. Kornilovym i G. I. Chelpanovym v otechestvennoi psikhologii 20-h godov. Saratov: SYuI MVD Rossii, 2000.
2. *Bocmanova M. E., Guseva E. P., Ravich-Sherbo I. V.* Psihologicheskii institut na Mohovoi. Istoricheskii ocherk / Pod. red. V. V. Rubcova, A. D. Chervyakova). M.: Izd-vo IChP "EAV", 1994.
3. *Vygotskii L. S.* Istoricheskii smysl psihologicheskogo krizisa // Vygotskii L.S. *Sobr. soch.:* V 6 t. T. 1, s. 291–436. M., 1982.
4. *Vygotskii L. S.* *Pedagogicheskaya psikhologiya.* M., 1926.
5. GA g. Kieva. 1 st. № 69. L. 1; kserokopiya: Nauchnyi arhiv PI RAO. F. 18, op. 3, ed. hr. 1, l. 18.
6. GA g. Kieva. 2 st. № 69. L. 1; kserokopiya: Nauchnyi arhiv PI RAO. F. 18, op. 3, ed. hr. 1, l. 8.
7. GA g. Kieva. F. 16, op. 343, delo № 21, l. 1; kopiya: Nauchnyi arhiv PI RAO. F. 18. Lichnyi fond G. I. Chelpanova.
8. GA g. Kieva. F. 16, op. 343, delo № 21, l. 1; kopiya: Nauchnyi arhiv PI RAO. F. 18, op. 3, ed. hr. 2, l. 8.
9. GA g. Kieva. F. 16, op. 343, delo № 21, l. 5; kopiya: Nauchnyi arhiv PI RAO. F. 18, op. 3, ed. hr. 2, l. 12.
10. GA g. Kieva. F. 16, op. 345, delo № 108, l. 3; kopiya: Nauchnyi arhiv PI RAO. F. 18, op. 3, ed. hr. 2, l. 18.
11. GA g. Kieva. F. 16, op. 345, delo № 108, l. 4–14; kopiya: Nauchnyi arhiv PI RAO. F. 18, op. 3, ed. hr. 2, l. 16–17.
12. GA g. Kieva. F. 16, op. 345, delo № 108, l. 8–12; kopiya: Nauchnyi arhiv PI RAO. F. 18, op. 3, ed. hr. 2, l. 20.
13. Georgiy Ivanovich Chelpanovu ot uchastnikov ego seminariev v Kieve i Moskve (1891–1916 gg.): Stat'i po filosofii i psikhologii. M., 1916.
14. *Guseva E. P.* Iz materialov lichnogo fonda G. I. Chelpanova (opisanie kollekcii pisem) // Al'manah Nauchnogo arhiva Psihologicheskogo instituta. Chelpanovskie chteniya 2008. M.: PI RAO; MGPPU, 2008. S. 207–219.
15. *Guseva E. P., Serova O. E.* O deyatelnosti Chelpanova po sozdaniyu tehnikeskikh sredstv dlya obucheniya i popularizatsii psikhologii (po materialam arhivnogo fonda) // Chelpanov G. I. *Ocherki psikhologii.* M.; Obninsk: IG – SOCIN, 2009. S. 231–238.
16. *Zhdan A. N.* Georgii Ivanovich Chelpanov // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. «Psikhologiya».* 1994. № 2. S. 68–73.
17. *Zhuravlev I. V.* O filosofii G. I. Chelpanova // Chelpanov G. I. *Vvedenie v filosofiyu.* M.: LIBROKOM, 2009. S. III–XX.
18. *Zen'kovskii V. V.* Iz «Istorii russkoi filosofii» / G. I. Chelpanov. *Mozg i dusha. Kritika materializma i ocherk sovremennykh uchenii o dushe.* M.: Izd-vo «Krug», 1994. C. 10–11.
19. *Zen'kovskii V. V.* *Istoriya russkoi filosofii: V 2 ch.* M.; Rostov/n-D.: Feniks, 1999.
20. Iz perepiski G. I. Chelpanova i A. M. Sherbiny (publ. R. L. Zolotnickoi) // *Psihologicheskii zhurnal.* 1991. T. 12. № 5. S. 86–92.
21. *Letcev V. M.* Zhiznennyi i tvorcheskii put' G. I. Chelpanova: bor'ba za psikhologiyu / G. I. Chelpanov. *Ocherki psikhologii.* M.: Obninsk: IG; SOCIN, 2009. C. 238–245.
22. *Marcinkovskaya T. D., Yaroshevskii M. G.* Neizvestnye stranicy tvorchestva G. I. Chelpanova // *Voprosy psikhologii.* 1999. № 3. S. 99–106.
23. Nauchnyi arhiv PI RAO. F. 18, op. 2. Kolleksiya pisem. Perepiska O.E. Chelpanovoi s raznymi licami. Ed. hr. 83.
24. Nauchnyi arhiv PI RAO. F. 18, op. 1, ed. hr. 1. Vospomnaniya Tat'yany Mailliard-Parain. *Rukopis'.* S. 1–8.
25. Nauchnyi arhiv PI RAO. F. 18, op. 2. Kolleksiya pisem. Perepiska O. E. Chelpanovoi s raznymi licami. Ed. hr. 57.
26. Nauchnyi arhiv PI RAO. F. 18, op. 2. Kolleksiya pisem. Perepiska O. E. Chelpanovoi s raznymi licami. Ed. hr. 1–127.

27. Nauchnyi arhiv PI RAO. F. 18, op. 2. Kolleksiya pisem. Perepiska O. E. Chelpanovoi s raznymi licami. Ed. hr. 61.
28. Nauchnyi arhiv PI RAO. F. 18, op. 2. Kolleksiya pisem. Perepiska O. E. Chelpanovoi s raznymi licami. Ed. hr. 60.
29. Nauchnyi arhiv RAO. F. 82, op. 1, ed. hr. 1. l. 38.
30. Nauchnyi arhiv RAO. F. 18, op. 1. Avtobiografiya G. I. Chelpanova, ed. hr. 1 (l. 2–9); kopiya: Nauchnyi arhiv PI RAO. F. 18, op. 1, ed. hr. 1.
31. Nauchnyi arhiv RAO. F. 82, op. 1, ed. hr. 1. l. 35–37.
32. Nashi uchenye // Zhurnal «Illyustrirovannoe obozrenie». 1912. № 9.
33. *Noskova O. G.* Istoriya psikhologii truda v Rossii (1917–1957). M.: Izd-vo MGU. 1997.
34. *Oleshkevich V. I.* Istoriya psihotehniki. M.: Academia, 2002.
35. OR RGB. F. 326 Chelpanov Georgii Ivanovich, k. 37, ed. hr. 60.
36. OR RGB. F. 326, p. 37, ed. hr. 43, 44.
37. OR RGB. F. 367, k. 4, ed. hr. 2.
38. Otchet o sostoyanii i deistviyah I Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta za 1922 g. Arhiv MGU. F. 18, o. 1, ed. hr. 7; kopiya: Nauchnyi arhiv PI RAO. F.
39. Pis'mo professora Kornel'skogo universiteta Titchenera // Rechi i privetstviya na Torzhestvennom otkrytii psikhologicheskogo instituta im. L. G. Shukinoi pri Imperatorskom Moskovskom universitete. M., 1914. S. 32.
40. Protokol № 11 zasedaniya Nauchno-politicheskoi sekcii. 18 oktyabrya 1921 g. Arhiv MGU. F. 18; kopiya: Nauchnyi arhiv PI RAO.
41. Psikhologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya: problemy teorii i istorii / Pod red. A. V. Brushlinskogo. M.: IP RAN, 1997.
42. *Romenec V. A., Manoha I. P., Breusenko A. A.* G. I. Chelpanov: period professorstva v Universitete Sv. Vladimira (g. Kiev, 1892–1907 gg.). K.: «Gnozis», 2000.
43. Sostoyanie Psikhologicheskogo instituta v 1923 g. / Otchet I Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta za 1923 god. M.: Izdanie I MGU, 1924. S. 115.
44. *Chelpanov G. I.* K voprosu ob apriornosti i vrozhdennosti v sovremennoi filosofii. Vstupitel'naya lekciya, chitanaya v Universitete Sv. Vladimira 6 oktyabrya 1892 g. Ott. iz «Universitetskikh izvestii». 1892. Kiev: Tip. Imp. Un-ta Sv. Vladimira, 1892.
45. *Chelpanov G. I.* Zadachi sovremennoi psikhologii // Voprosy filosofii i psikhologii. 1909. Kn. 99. S. 285–308.
46. *Chelpanov G. I.* O zadachah Moskovskogo psikhologicheskogo instituta // Rechi i privetstviya na Torzhestvennom otkrytii psikhologicheskogo instituta im. L. G. Shukinoi pri Imperatorskom Moskovskom universitete. M., 1914. S. 3–6.
47. *Chelpanov G. I.* Ob izmerenii psihicheskikh yavlenii // Mir Bozhii. 1890. № 1. S. 148–163.
48. *Chelpanov G. I.* Ob izmerimosti psihicheskikh yavlenii // Filosofskii sbornik. L'vu Mihailovichu Lopatinu k tridcatiletiyu nauchno-pedagogicheskoi deyatel'nosti. Ot Moskovskogo Psikhologicheskogo Obshestva. 1881–1911. M., 1912. S. 265–281.
49. *Chelpanov G. I.* Ob otnoshenii psikhologii k filosofii // Voprosy filosofii i psikhologii. M., 1907. Kn. 89 (IV). S. 309–323.
50. *Chelpanov G. I.* Obshie rezul'taty psihometricheskikh issledovaniy i ih znachenie dlya psikhologii // Sbornik statei (Psikhologiya i shkola). M., 1912. S. 1–33.
51. *Chelpanov G. I.* Obshie rezul'taty psihometricheskikh issledovaniy leipcigskoi psikhologicheskoi laboratorii i ih znachenie dlya psikhologii // Russkaya mysl'. 1889. Kn. VIII (avgust). S. 159–189.
52. *Chelpanov G. I.* Otchet o deyatel'nosti Psikhologicheskoi seminarii za 1897–1902 gg. / Trudy psikhologicheskoi seminarii pri Universitete Sv. Vladimira. T. 1. Vyp. 1. Kiev: Tip. Imperat. Un-ta Sv. Vladimira, 1904. S. 1–11.
53. *Chelpanov G. I.* Otchet o deyatel'nosti Psikhologicheskoi seminarii za 1902–1906 gg. / Trudy psikhologicheskoi seminarii pri Universitete Sv. Vladimira. T. 1. Vyp. 1. Kiev: Tip. Imperat. Un-ta Sv. Vladimira, 1907. S. 1–11.
54. *Chelpanov G. I.* Pamyati prof. N. Ya. Grota // Nikolai Yakovlevich Grot v ocherkah, vospominaniyah i pis'mah tovarishei i uchenikov, druzei i pochitatelei. SPb.: Tip. Ministerstva putei soobsheniya, 1911. S. 185–196.
55. *Chelpanov G. I.* Problema vospriyatiya prostranstva v svyazi s ucheniem ob apriornosti i vrozhdennosti. Ch. 1. Predstavlenie prostranstva s tochki zreniya psikhologii. Kiev: Tip. Vysoch. utv. t-va I. N. Kushnerev i Ko, 1896.
56. *Chelpanov G. I.* Problema vospriyatiya prostranstva v svyazi s ucheniem ob apriornosti i vrozhdennosti. Ch. 2. Predstavlenie prostranstva s tochki zreniya gnoseologii. Kiev: Tip. t-va I. N. Kushnerev i Ko, 1904.
57. *Chelpanov G. I.* Social'naya psikhologiya ili «uslovnye refleksy». M.: Izd. avtora, 1926.
58. *Shenrok V. I.* K biografii N. Ya. Grota // Nikolai Yakovlevich Grot v ocherkah, vospominaniyah i pis'mah tovarishei i uchenikov, druzei i pochitatelei. SPb.: Tip. Ministerstva putei soobsheniya, 1911. S. 1–56.